

БЛАГОДАРНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АЛЕКСЕЕ ГРИГОРЬЕВИЧЕ

Чеберкус В.И.

«Інвіт», м.Київ, Україна

Я учился на 3-м курсе технологического института в Херсоне, сейчас это Херсонский национальный технический университет, когда у нас появился новый преподаватель дисциплины «Элементы и системы электроавтоматики». Это был Вальтер Игоревич Несходовский, который после окончания аспирантуры и защиты кандидатской диссертации в Институте кибернетики АН УССР приехал из Киева работать в наш институт.

Он был необычайно интересным, жизнерадостным человеком, серьезно занимался йогой, изучал теорию и практиковал упражнения-асаны, что в то время не очень приветствовалось, хотя явно и не запрещалось. Вальтер увлек и приобщил меня к занятиям йогой, стал моим наставником в этих вопросах на многие годы. Он также много рассказывал о своей учебе в аспирантуре и о своем научном руководителе, член-корреспонденте АН УССР Алексее Григорьевиче Ивахненко, познакомил с его работами и книгами.

После окончания с отличием института меня оставили работать ассистентом кафедры «Автоматизации производственных процессов» с предложением поступать в аспирантуру нашего института в следующем году. Но Несходовский посоветовал мне попробовать уже в этом году поступить в аспирантуру Института кибернетики к Алексею Григорьевичу Ивахненко. Я не долго колебался и решил попробовать. Подал необходимые документы и осенью поехал в Киев сдавать экзамены.

Экзамен по специальности у меня принимал сам Ивахненко. После ответов на вопросы билета и дополнительные тематические вопросы Алексей Григорьевич неожиданно спросил у меня: «Чему равен логарифм единицы?». Я удивился такому вопросу не по теме, но быстро ответил. «Правильно!» - сказал Алексей Григорьевич и рассмеялся, глядя на мою реакцию. За экзамен по специальности я получил отличную оценку и был допущен к сдаче экзаменов по истории КПСС и английскому языку. Эти экзамены я сдал успешно, был зачислен в аспирантуру института кибернетики на стационар и переехал в Киев.

Алексей Григорьевич представил меня аспирантам и сотрудникам, мне выделили стол в комнате аспирантов. И начались мои аспирантские будни. Правда, будни не всегда проходили за моим рабочим столом. Аспирантам нужно было посещать лекции и семинары по философии, занятия в группах по изучению иностранного языка, работать в библиотеках.

Но один день в неделю был в отделе Ивахненко особенным, и все сотрудники и аспиранты были обязаны в этот день присутствовать в отделе. Каждую среду в 10 часов утра начинался научный семинар. На этом семинаре выступали с докладами о текущих результатах своих научных работ сотрудники, аспиранты. Были также и гости отдела, которые приезжали не только с других институтов, но часто и со всего Советского Союза, а также из иностранных государств. Семинары всегда были очень содержательными и познавательными. После выступления докладчиков им задавались вопросы, выступали заранее назначенные оппоненты, а также все желающие. Обсуждения часто превращались в интересные и жаркие диспуты. В самом конце семинара поднимался во весь свой высоченный рост Алексей Григорьевич и своим выступлением подводил итог, который воспринимался всеми как вердикт – это могли быть критические замечания и коррективы в направлении работ, иногда предложения подключить к работе новых исследователей, но чаще всего это были рекомендации к опубликованию результатов работы в научном журнале «Автоматика».

В аспирантуре я начал заниматься вопросами математического моделирования сложных колебательных процессов. Над этим же работал и Владимир Высоцкий, поступивший в аспирантуру к Алексею Григорьевичу на год раньше меня. Володя был очень эрудированным, скромным и тактичным человеком. Совместная работа сдружила нас, и эта дружба продолжалась более трех десятилетий. Именно Владимиру Высоцкому принадлежала идея критерия баланса для гармонического анализа непериодических колебательных процессов. Этот критерий баланса мы использовали в совместно разработанных вычислительных алгоритмах МГУА для синтеза гармонического тренда оптимальной сложности для целей прогноза сложных природных колебательных процессов, в частности, для прогноза месячного и долгосрочного среднегодового стока рек.

Также я занимался разработкой алгоритмов самоорганизации математических моделей сложных процессов для целей прогнозирования и управления. Использовал эти алгоритмы для построения прогнозирующих математических моделей сложных природных процессов, в том числе и моделей качества воды рек для управления водоохранными комплексами.

Три года пролетели незаметно, обучение в аспирантуре подходило к концу. У меня было уже достаточное количество статей и наработок, и я приступил к написанию диссертационной работы. Подготовил ее, напечатал, переплел и в последний день учебы представил своему научному руководителю Алексею Григорьевичу и в отдел аспирантуры. Это дало мне возможность считаться успешно окончившим аспирантуру, меня оставили в Киеве для работы в должности младшего научного сотрудника в отделе Ивахненко. Реально оценив свою диссертационную работу, я пришел к выводу, что она еще нуждается в доработках, чем в дальнейшем и занялся.

Атмосфера в коллективе была дружной, работать было комфортно и интересно. Алексей Григорьевич был достаточно демократичным руководителем, и я не помню случая, чтобы он к кому-то применял административные взыскания (для этого у него были заместители). Но если вдруг кто-либо из сотрудников прекращал активно работать или занимал «инородную» позицию, неадекватно проявлял себя в отделе, Алексей Григорьевич терял к нему интерес, не давал текущих заданий, и сотрудник сразу чувствовал, что начинает выпадать из «плотной обоймы» отдела, и, как правило, сразу делал нужные выводы.

Алексей Григорьевич практически не болел, но однажды это все-таки произошло, у него даже изменилась формула крови. Его госпитализировали в клиническую больницу «Феофания». Я помню, что и его жена Людмила Николаевна и сотрудницы нашего отдела готовили ему целые кастрюли с вареной печенью, врачи сказали, что это поможет выздоровлению. А мы, сотрудники и аспиранты, относили их ему в больницу в Феофании, иногда ходили туда пешком с проспекта Науки через Голосеевский лес. Вскоре здоровье Алексея Григорьевича поправилось, правда, после выхода на работу он перенес свой кабинет на противоположную сторону здания, через коридор, до этого окна его кабинета выходили на Институт ядерной физики. И, возможно в этот период я заметил, что Алексей Григорьевич полюбил грецкие орехи.

Алексей Григорьевич был очень наблюдательным и внимательным человеком, мог дать дельный совет. Однажды в командировке Алексей Григорьевич заметил, что я излишне волнуюсь перед докладом. Он мне сказал, что слушатели не знают, чем я занимаюсь и им это интересно узнать. Вот и расскажите им об этом. Я попробовал, помогло.

В жизни Алексей Григорьевич был очень скромным. Как-то были мы с ним на научной конференции в Северодонецке, возвращаться должны были самолетом. Погода в Киеве оказалась нелетной, рейс отложили на неопределенное время, и не только наш. В зале ожидания не было ни одного свободного места. Алексею Григорьевичу пришлось стоять, никто не собирался уступить ему место. Я видел, что ему тяжело, ведь последние годы у него побаливали ноги, ходил он неспешно. Мне стало обидно, что такой пожилой, уважаемый человек должен испытывать неудобство.

И тут я вспомнил, что видел на вокзале вывеску зала ожидания для депутатов. Недолго думая, я отправился туда. Этот зал оказался очень уютным и совершенно пустым. Я объяснил администратору ситуацию и попросил его помочь. Он начал куда-то звонить, а потом разрешил нам воспользоваться этим залом. Когда я сообщил об этом Алексею Григорьевичу, он долго отказывался, говорил, что ему неудобно кого-то стеснять, но потом все-таки согласился. Нас

угостили чаем, и мы спокойно дождались своего рейса, хотя Алексей Григорьевич время от времени все еще немного ворчал на меня.

Алексей Григорьевич был чрезвычайно энергичным человеком и плодотворным ученым. Он генерировал идеи, разрабатывал научные проекты и планировал вычислительные эксперименты, писал научные статьи и монографии. Регулярно разрабатывал планы научных семинаров и графики выступления на них аспирантов и сотрудников, сам печатал эти планы на своей любимой печатной машинке и вывешивал их на доске объявлений отдела. Даже отправляясь с семьей летом в отпуск к морю, он брал с собой эту печатную машинку и, как утверждают очевидцы, печатал на пляже проекты будущих статей, задания и планы работ всем сотрудникам. Я сам неоднократно получал от него из Крыма пакеты с проектами наших с ним совместных статей, которые необходимо было развить, а также заданий по проверке вычислительным путем на ЭВМ различных рабочих гипотез.

В отделе я продолжал разрабатывать методы и алгоритмы самоорганизации математических моделей. Благодаря совместным работам с Владимиром Степашко, который уже тогда основательно занимался разработкой и исследованием методов оптимизации для целей управления, я смог дополнить свою диссертационную работу главой по оптимизации функционирования водоохранного комплекса. Это сделало диссертацию более целостной и логически завершенной. К тому же после женитьбы и рождения первого сына я понял, что пора заканчивать работу над диссертацией, поэтому форсировал ее завершение и благополучно защитился в 1982 году.

Следующие три года я продолжал работать младшим научным сотрудником в отделе Алексея Григорьевича, занимался разработкой алгоритмов и программ для моделирования и прогнозирования сложных процессов методами самоорганизации, много времени проводил в ВЦ, работая на БЭСМ-6.

В 1985 году я принял решение перейти работать в отдел Технологии программирования, который возглавлял д.т.н. Вельбицкий И.В. В этом отделе выполнялись исследования по визуализации алгоритмов и программ, создавались графические языки программирования с использованием R-схем. Этот отдел был двойного подчинения - все сотрудники жили в Киеве, приходили на работу в Институт кибернетики, но официально были оформлены в различных ведомствах оборонной промышленности СССР, для которых и выполнялись практические разработки. Я, например, работал старшим научным сотрудником Центрального НИИ «Дельфин» Министерства судостроительной промышленности СССР, который находился в Москве. Работа была интересной и перспективной, много времени проводил в командировках. Но наступил 1991 год, Украина стала отдельным, независимым государством, возникла двойственная ситуация, когда закрытые работы для России выполнялись

гражданами другой страны. И очень скоро нам пришлось искать применение своих знаний в Украине, что в те годы было достаточно сложно.

Несмотря на то, что после ухода из отдела Ивахненко направление моей дальнейшей работы разошлось с направлением научной деятельности Алексея Григорьевича, я еще многие годы довольно часто и с удовольствием приходил к нему в отдел, общался с сотрудниками, принимал участие в праздновании различных памятных дат отдела, дней рождения сотрудников. И это не удивительно, ведь с этим отделом связаны мои молодые годы, там происходило становление меня как личности.

Вспоминая годы своей работы с Алексеем Григорьевичем, я понимаю, насколько глубоко прав был ученик Ивахненко Вальтер Несходовский, когда говорил, что в его представлении Алексей Григорьевич - это большой колесный пароход, который на всех парах рассекает водную гладь, поднимая высокую волну, а за ним клином мчится целая флотилия: ближе к центру - корабли, чуть дальше к флангам - катера и яхты, еще дальше - множество лодок и джонок. И все стараются не отставать, не потерять волну, поднятую лидером. И это правда. Алексей Григорьевич воспитал очень большое количество ученых не только в Украине, но и за рубежом.

А в моем сердце до сих пор живет глубокая благодарность Алексею Григорьевичу - ученому, учителю и человеку.